

ЖУРАВЛЕВ В. К.

ПОСТУЛАТ НЕПРЕЛОЖНОСТИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ
И СОВРЕМЕННАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

1. Постулат непреложности фонетических законов был сформулирован младограмматиками в 70-х годах прошлого века как фундаментальное положение компаративистики. С тех пор не прекращаются споры его сторонников и противников [1]. Как следует относиться к фонетическим законам, которые постулировали младограмматики сейчас, при наличии новых и новейших теорий звуковых и языковых изменений?

Современная компаративистика, в частности славянская, столкнулась с двумя парадоксами: один — старый, хронический, а другой — новый, хронологический. Первый обнаружен более столетия тому назад. Он заключается в том, что принципиально безысключительные фонетические законы не могут не иметь исключений в истории языка. Второй стал проявляться в последние десятилетия. Он заключается в том, что чем «точнее» методы хронологизации и больше объем эмпирического материала, тем больше размах «точной» датировки праязыковых процессов. Если раньше ученые, устанавливая датировку того или иного реконструируемого процесса, спорили относительно десятилетий, то теперь — ставка на столетия и даже тысячелетия! Так, начало самостоятельного развития праславянского языка В. Георгиев относит ко II тыс. до нашей эры, а Э. Штибер — к первым векам нашей эры. Один из важнейших праславянских процессов, I палатализация заднебных, датируется I тыс. до н. э. (по С. Б. Бернштейну) и VI в. н. э. (по Ч. Бидуэлу). А. Лампрехт [2] убедительно доказывал с точностью до 25 лет, что этот процесс проходил в 475 г. н. э. Хронологический парадокс проявляется и в том, что праязыковое состояние «эпохи распада» переносится в глубь веков. Н. Д. Андреев перенес праиндоевропейскую эпоху в 10—15 тысячелетия до нашей эры. Естественно, что расстояние между отдельными праязыковыми процессами растягивается, с одной стороны, а с другой — предельно сближается; прежние архаизмы все чаще и чаще оказываются инновациями, результатами самостоятельного параллельного развития отдельных родственных языков и диалектов. И действительно, трудно отдать предпочтение той или иной датировке, трудно отрешиться от впечатления, что в хронологических спорах «оба правы», взаимоисключающие результаты в равной мере доказуемы и не могут быть отнесены ни к числу истинных, ни к числу ложных. Это и есть парадокс.

Наличие парадокса вызывает сомнение относительно научного совершенства теории, в которой он обнаружен. Это стимулирует уточнение ее фундаментальных понятий. Стремление освободиться от парадокса должно так или иначе совершенствовать саму теорию и методологию исследовательской практики. Так, попытка освободиться от первого парадокса привела младограмматиков к положению о непреложности фонетических законов, которые могут быть нарушены действием аналогии. И несмотря на то, что аналогия оказалась слепой, лингвистически произвольной, ибо лежала в психологии, именно младограмматический этап сделал нашу науку точной. Схожесть получаемых результатов была поразительной. Нередко один и тот же закон открывали почти одновременно ученые разных стран независимо друг от друга (ср. закон Фортунатова — Соссюра и др.). Э. Герман в начале XX в. призывал «заняться исследованием того, почему мы с помощью нашего метода реконструкции приходим к одинаковому результату» [3]. Это ли не свидетельство точности метода!

Лингвисты, потратив много усилий на доказательство ложности одного из наиболее фундаментальных достижений своей науки, все же не смогли отрицать методологическую ценность положения о непреложности фонетических законов. Но даже те, кто отстаивает постулат младограмматиков, как правило, подчеркивают некую ущербность фонетических законов по сравнению с законами естественных наук. Если законы последних действительны всегда и всюду, — рассуждают они, то действие фонетических законов ограничено лишь данным языком или даже диалектом на строго определенном этапе его развития. Лингвистическая закономерность исключений из фонетических законов пока не раскрыта, действие аналогии не освобождено от психологизма младограмматиков. От Жильерона до Лабова накапливается фактический материал, вступающий в противоречие с постулатом о непреложности фонетических законов, усиливая аргументацию их противников. Действительно, нередко создается впечатление, что каждое слово, отражающее те или иные звуковые изменения, имеет свою историю и географию. Звуковое изменение переносится отдельными словами из более престижного подсоциума в менее престижный. Кажется, что в этом и заключается суть механизма звуковых изменений. Но как же быть с конкретными достижениями младограмматиков, основанных на прямо противоположных принципах?

2. За последнее время в славистике усилился интерес к абсолютной хронологии явлений (Ч. Бидуэл [4] и др.). Абсолютная хронология опирается на ввелингвистические исторические факты, отмеченные в древних хрониках (дата первых контактов славян с готами, дата появления славян на Балканах или в верховьях Оки и Волги, первых контактов славян с греками, с романизированным населением Балкан, угро-финнами северо-восточной Европы, контактов с тюркоязычными народами и т. п.). Она базируется на фактах межъязыковых соответствий с неродственными языками. Следует иметь в виду, что абсолютная хронология не может быть самоцелью: сама история языка осталась бы лишь конгломератом разрозненных, лишенных внутренней связи, хотя и точно датированных фактов. При этом возможны ошибочные суждения. Так, например, отмечая в сербском языке чередование *g/ž* в тюркском заимствовании *бег* (им. ед.) — *беже* (вокатив), можно подумать, что первая палатализация сохраняла актуальность, по крайней мере, до битвы на Косовом Поле (1389 г.). Сопоставляя русские топонимы *Селигер* (озеро) и *Сележаровка* (река и село), можно подумать, что название села древнее (эпоха действия I палатализации), чем название озера, от которого оно образовано (др.-русск. *Серегръ* из угро-финского субстрата, ср. эст. *Särgjärv*, эст. *särg* «плотва»).

Большую лингвистическую ценность имеет хронология относительная, устанавливающая хронологическую иерархию собственно лингвистических фактов. Относительная хронология опирается на сравнительную (внешнюю) и внутреннюю реконструкцию.

Хронологизация на основе внешней реконструкции опирается на генетическую гипотезу, постулат языкового родства и модель родословного древа. Она нацелена на анализ соответствий между родственными языками. Хронологическая иерархия языковых явлений и процессов строится по принципу приуроченности к определенным «коленам» родословного древа, эпохам распада соответствующего праязыка (прарусское или пралехитское, пражарпано-славянское, прабалтославянское состояние... и наконец, праиндоевропейское состояние). Сходство тех или иных явлений относится к соответствующему праязыковому состоянию эпохи распада либо объясняется, по крайней мере, территориальным соседством носителей этих диалектов в отдаленном прошлом. Исторические изменения хронологизируются следующим образом: одни относятся к праиндоевропейскому состоянию, другие — «произошли на балто-славянской почве» и относятся к балто-славянскому состоянию, третьи «произошли на славянской» либо «прарусской» почве и т. п. Вероятность параллельного развития нередко выпадает из поля зрения исследователей. В центре внимания — дивергентные процессы.

Относительная хронология, базирующаяся на данных внутренней ре-

конструкции, нацелена на анализ внутриязыковых соответствий, на вскрытие отношений между элементами данного языка в его статике и динамике, внутренней взаимосвязи исторических процессов. Здесь хронологическая иерархия языковых процессов покоится на всеобщем принципе взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимозависимости. В идеале история языка, построенная на данных такого рода хронологизации, — цепь взаимосвязанных причинно-следственными отношениями языковых явлений и процессов. Классическая «внутренняя» относительная хронология опирается на гипотезу регулярности, на фундаментальное положение компаративистики о непреложности фонетических законов, выдвинутое младограмматиками.

Естественно, чем глубже мы познаем исследуемое явление или процесс, тем больше вскрывается его связь с другими явлениями. Если же установлена тесная внутренняя взаимосвязь между двумя явлениями или процессами, то трудно отделаться от впечатления об их хронологической близости или одновременности. Хронологическое расстояние между языковыми процессами при этом неизбежно сжимается. Между фундаментальными процессами, коренным образом изменившими облик нашего языка, остается предположить лишь несколько десятилетий.

С другой стороны, по мере расширения объема эмпирического материала родственных языков в связи с дешифровкой древнейших текстов на языках, причисляемых к индоевропейским, вместо ожидаемой близости наука обнаружила глубокие расхождения... Эпоха распада праиндоевропейского языка переносится все дальше и дальше в глубь веков. Хронологическое расстояние между языковыми процессами неизбежно увеличивается. Схожие явления в праславянском и хеттском говорят об их хронологической близости.

Неоднозначность решения задач хронологизации приемами относительной хронологии, вероятно, и обусловила увлечение хронологией абсолютной. Цифра, число сами кажутся связанными с представлением о точности... К тому же давно подвергались сомнению и модель родословного древа, и постулат о регулярности фонетических законов, лежащие в основании приемов относительной хронологии.

3. Современное состояние нашей науки может разрешить парадокс фонетических законов и реабилитировать фундаментальное понятие компаративистики, обосновать представление о наличии закономерностей в объекте лингвистических исследований. Фонетические законы — это не законы звуковых изменений или межъязыковых соответствий, как это представлялось младограмматикам. Фонетические законы — это законы функционирования в синхронном состоянии языка, это законы аллофонного варьирования в зависимости от определенных фонетических (позиционных) условий. Позиционное варьирование фонем непреложно, действует автоматически, предсказывается позицией и, как правило, не замечается носителями данного языка. Так, например, в современном русском литературном произношении варьирование \acute{e}/\acute{e} позиционно обусловлено (ср. *это* ~ *эти*): в позиции перед мягким согласным регулярно выступает закрытое \acute{e} . Весьма существенное физическое различие между \acute{e} и e говорящими не осознается, все внимание сосредоточено на различии ($t : t'$), фонологически существенном.

Сущность фонетического закона можно выразить формулой:

$$L \left\{ \frac{a > b}{P} \right\} T$$

Звук a регулярно переходит в звук b в строго определенных позициях P в данном языке L на данном этапе его развития T . Верно, что фонетический закон действует лишь в ограниченных рамках данного языка, данного языкового коллектива в строго определенную эпоху. И это не может свидетельствовать о его ущербности по сравнению с законами естественных наук.

Лингвистические переменные L , T — такие же переменные, как,

скажем, сопротивление и сила тока в законе Ома $I = \frac{V}{R}$. Не сетуют же физики на безусловный факт неоднозначности силы тока в цепях с различным сопротивлением.

Фонетические законы обладают такой же силой предсказуемости, они столь же индуктивны, как и законы естественных наук. На основании определенного минимума тщательно осмысленных и проверенных данных легко обзревается вся масса фактов. Если установлено, например, что на месте k выступает \check{c} в позиции перед гласными переднего ряда $L \left\{ \begin{matrix} k > \check{c} \\ +V \end{matrix} \right\} T$, то тем самым предсказывается \check{c} на месте k в соответствующих позициях во всех без исключения словах и морфемах данного языка. Отступление от такой закономерной дистрибуции может свидетельствовать об изменении лингвистических переменных L, P, T , т. е. об отмене данного фонетического закона.

Так, наличие случаев типа русск. *Кирилл, кентавр, кино, кефир* может свидетельствовать о том, что эти слова не принадлежали языку L в эпоху действия данного закона T , т. е. они заимствованы из другого языка уже после завершения процесса первой палатализации. Отступление от фонетической закономерности — свидетельство ее прекращения в эпоху заимствования.

Если же отступление от предсказуемой дистрибуции наблюдается в исконных словах и морфемах, то, следовательно, изменился параметр P . Так, наличие случаев типа русск. *крик — кричать, цена, цедить* и *кидать, кий* означает, что в эпоху действия первой палатализации на месте современных гласных переднего ряда стояло нечто другое, а в данном случае здесь имеет место вторичный (**kaina* > *сѣна* > *цена*) или даже трегичный гласный переднего ряда (др.-русск. *кый* > совр. русск. *к'ий*). На месте современного гласного непреднего ряда в эпоху первой палатализации стоял гласный переднего ряда (**krikētei* → *kričētei* → *kričati*).

Более молодые фонетические законы ($\frac{e > \bar{a}}{+e}$; $\frac{ai, ei}{+C\#} > \check{e}_2, i_2$) отменили действие старшего закона о палатализации ($k > \check{c}$), изменились, следовательно, и параметры T . На этом и основана классическая относительная хронология: T_p (эпоха первой палатализации) старше, древнее эпохи T_a (переход $\bar{e} > \bar{a}$ после шипящих и j), старше монофтонгизации дифтонгов T_d и т. п.

Традиционную компаративистику принято обвинять в «атомизме», имея в виду ее пристальное внимание к судьбе отдельного звука вне его связи с системой ($a > b$). Обвинение это по крайней мере не вполне корректно. Именно фонетический закон объединял «разрозненные» звуки в определенные классы: все задненебные (k, g, x) перед всеми передними гласными ($\check{i}, \check{e}, \check{e}i, \check{e}u, r, l$, а также i) конкретного языка на данном этапе его развития переходят в шипящие ($\check{c}, d\check{z}/\check{z}, \check{s}$). Отступление от предсказываемой закономерности может свидетельствовать о том, что нарушающие эту закономерность звуки не принадлежали к соответствующим классам в эпоху действия данного фонетического закона.

Если установлено, что глухой $k > \check{c}$, то и его звонкий коррелят должен давать звонкую аффрикату $g > d\check{z}$. Отступление от ожидаемого результата может доказывать то, что, например, дезаффрикация $d\check{z} > \check{z}$ — процесс поздний, либо звонкий задненебный был не взрывным, а фрикативным. Если установлено, что задненебные k, g переходят в шипящие, то более вероятен переход $x > \check{s}$, а не наоборот, как иногда полагают.

Фонетические законы младограмматиков имели отношение лишь к фонетике, к аллофонному варьированию. Они действовали подсознательно, автоматически и не замечались носителями языка. Для того, чтобы такое варьирование стало осознанным и замеченным, должны быть нарушены параметры фонетического закона (L, P, T). Только в этом случае автоматически и непреложный закон функционирования будет «отменен», станет «историческим» законом звуковых изменений. Вот почему фонетические законы, оставившие следы в истории языка, не могут,

будучи безысключительными в эпоху своего функционирования, оставаться таковыми в истории языка. Лишь «отмененные» законы оставляют след в истории языка. Так разрешается парадокс непреложности фонетических законов. В самом деле, переход $*s > x$ в определенных позициях (после i, u, r, k — закон Педерсена) — лишь первый этап звукового изменения: $s//x$ останутся позиционными вариациями одной и той же фонемы до тех пор, пока не наступит второй этап, этап фонологизации аллофонов, превращения их в самостоятельные фонемы.

4. Суть фонологизации аллофонов заключается в выходе из состояния дополнительного распределения, в изменении отношений между объектами фонетического закона, их породившего. Вариации фонем должны стать самостоятельными фонемами, т. е. иметь хотя бы одну позицию релевантности, различия. Переход $\frac{a > b}{P}$ означает, что в позиции не \bar{P}

остается a , а в позиции перехода появляется b ; $\left\{ \frac{a > b}{P} \right\} = \left\{ \frac{a}{\bar{P}} - : - \frac{b}{P} \right\}$.

Это — дополнительное распределение. Появление позиции релевантности

P_1^2 выводит их из дополнительного распределения $\left\{ \frac{a}{\bar{P}} - : - \frac{b}{P} \right\} \rightarrow \left\{ \frac{a : b}{P_1} \right\}$

Так, дивергенция $k \rightarrow k - : - \check{c}$, начавшаяся как фонетический процесс, породивший аллофоны $k//\check{c}$, становится фонологическим процессом в результате нового фонетического закона $\frac{\check{e} > \check{a}}{\check{e}}$, отменившего старший закон

первой палатализации: появляется позиция различия $\frac{k : \check{c}}{a}$, аллофоны $k//\check{c}$ становятся самостоятельными фонемами, ср.: *крика* — *кричатъ*.

Дивергенция $*s \rightarrow s - : - x$, начавшаяся как фонетический процесс, в результате действия фонетического закона $\frac{s > x}{i, u, r, k}$ становится фонологической в результате фонетического закона $*\check{k} > s_2$ (без промежуточной стадии ts , как иногда считается) с последующей конвергенцией $s_1 \times s_2 \rightarrow s$, отменившей закон Педерсена. Появились случаи противопоставления прежних аллофонов $s//x$ в одной и той же позиции (*pixati* ~ *pisati* < < $*pis-$ ~ $*pik-$).

Процесс фонологизации прежних аллофонов может растянуться на весьма длительный промежуток времени и далеко отстоять от времени функционирования фонетического закона, их породившего. Новая оппозиция ($s : x$) усиливалась в результате многих последующих праславянских процессов: упрощения группы согласных, составивших мнимые исключения из закона Педерсена ($*baid-$, $taiskn-$, $ruds-$ > $bais-$, $tais-$, $rūs-$ > др.-русск. *бѣсъ*, *мѣсьнъ*, *рысь*), монофтонгизации дифтонгических сочетаний ($*porx-$ > русск. *порох* ~ *поросенок* < $*pors-$ < < $*por\check{k}-$ и др.)... Принципиальное различие между фонетическими и фонологическими процессами, отдаленными во времени, становится очевидным, если вспомнить, что во всех сатемных языках аллофонное варьирование исконного $*s$ осуществлялось в весьма схожих условиях и, вероятно, в глубокой древности, однако процесс фонологизации различен и, бесспорно, шел параллельно и независимо в близкородственных языках. В индоиранском переход $s > \check{s}$ связан с фонологизацией целой корреляции $s : \check{s} = t : \check{t} = d = \check{d}$ В литовском переход $s > \check{s}$ (*maišas*, *vėtušas* и т. д. = русск. *мех*, *ветхий*) связан с конвергенцией $*\check{k} > \check{s}$ (*šlovė* = = русск. *слава*) и отличается от древнепрусского и латышского (литов. *širšūb*, лтш. *sirsuonis*, др.-прусск. *sirsilis*, др.-русск. *сършень*, русск. *шершень*). Конвергенция с прежним рефлексом палатального \check{k} в праславянском усиливала немаркированный ($\check{k} > s_2 \times s_1$), а в литовском — маркированный ($\check{k} > \check{s} \times \check{s} < s_1$) член новой оппозиции, зарождавшейся в результате аллофонного варьирования исконного $*s_1$, слабо включенного в систему.

5. Лишь после снятия позиционной обусловленности, после завоевания фонетическим путем новых фонологических позиций новая фонема получает возможность морфонологизоваться. Начинается третий этап звуковых изменений, морфонологический. Если первый этап зависит не

от слов и форм, но лишь от фонетических позиций, а второй освобождает прежние аллофоны от позиционной зависимости, то третий усиливает влияние на фонему слов и форм, что и подвело к младограмматикам под понятие аналогии *бег* ~ *беже* = *бог* ~ *боже* и т. п. Действию аналогии подвержены лишь самостоятельные фонемы, а не аллофоны. Это — продолжение процесса фонологизации, усиление новой фонологической оппозиции, увеличение числа позиций релевантности для ее членов. Осознание *x* как форманта прошедшего времени и его генерализация в имперфекте (*небахъ*) и новом сигматическом аористе (*несохъ*), генерализация его как форманта местн. мн. (*женахъ*) стали возможны лишь после появления фонетических путем таких форм, как *нихъ* (аорист, 1-е л. ед. ч.), *сынъхъ*, *костьхъ*, *рабъхъ* (местн. мн.). Процесс морфонологизации усиливает новую фонологическую оппозицию (*x* : *s*). Генерализация грамматических показателей имеет строгие грамматические закономерности. Это явление собственно лингвистическое, лингвистически познаваемое. Младограмматическое понятие аналогии может быть освобождено от психологизма и поставлено на прочный лингвистический фундамент строгих лингвистических закономерностей.

Последовательное различение характера звуковых изменений [1] фонетический закон синхронного функционирования, 2) фонологизация аллофонного варьирования, 3) морфонологизация результатов фонологических изменений] позволит избежать недоразумений и ошибочных решений. Для каждого типа (этапа) звукового изменения существует свой ключ, свой методический прием решения, и не может быть единого ключа для всех типов: для первого — фонетический закон младограмматиков, для второго — формулы конвергентно-дивергентных процессов Поливанова [5], для третьего — анализ динамики морфологических оппозиций [6].

6. Источником споров и противоречивых решений выяснения механизма и хронологии так называемой бодуэновской (третьей) палатализации является тот бесспорный факт, что никакое другое звуковое изменение праславянского языка не имеет столь значительного количества исключений и дублетов. Очень мало бесспорных примеров на корневые морфемы. Результаты третьей палатализации закреплены за определенными морфологическими категориями (итеративы, именные суффиксы и т. п.), т. е. морфонологизованные. Это означает, что мы наблюдаем здесь главным образом результаты третьего, морфонологического этапа звуковых изменений. Поэтому приемы анализа аллофонно-фонетического этапа ни в своем младограмматическом, ни в генеративистском варианте не в состоянии вскрыть сущность третьей палатализации. Поэтому и трактовка противоречивых показаний *отьцихъ* — *вьсьхъ* должна идти прежде всего по линии морфологии, а не фонетики. Здесь следует усматривать процесс перехода в мягкий вариант склонения **otьkъ* → *otьcъ*, а не фонетический процесс перехода гласных заднего ряда в передний ($\check{e} > i$). Фонологическая суть третьей палатализации состоит в фонологизации новых оппозиций, зародившихся в результате второй палатализации $\left\{ \begin{array}{l} k > c_2 \\ \check{e}_2, i_2 < ai \end{array} \right\}$ — (*c* : *k*), (*c* : \check{c}), (*dz/z* : *g*), (*dz/z* : *dž/ž*), (*s* : *x*), (*s* : \check{s}). Третья палатализация как фонетический закон отменяла действие второй. Конвергенция результатов обеих младших палатализаций $c_2 \times c_3 \rightarrow c$, снимая дистрибутивную ограниченность рефлексов второй палатализации вторичными гласными переднего ряда ($\check{e}_2, i_2 < ai$), способствовала субституции велярных перед любым передним гласным той эпохи: ст.-слав. *цьрky*, *цма* и т. п. Все это усиливало новые оппозиции. Позиция перед *a* стала теперь релевантной: *-ca* (< **ikā*) : *-ka* (< **kā*) : *ča* (< **kē*). Морфонологизация новых фонем продолжала процесс фонологизации, усиливая новые оппозиции. Переход в мягкий вариант склонения усиливал фонологическую оппозицию (*c* : \check{c}): ст.-слав. *отьць* — *отьчъ*, *отьцель* — *отьче*, *отьци* — *ключи* и т. п. В форме *отьци(хъ)* встречается *i* различного происхождения: **oi* — им. мн., **oi* — местн. ед. и мн., **ju* — твор. мн. Это, в свою очередь, усилило оппозицию (*i* : \check{e}) в положении после *c* : *ржцѣ*: *отьци* и т. п. Перераспределение дублетных суффиксов *-ik-/i-* усиливало фоноло-

гическую оппозицию ($k : c$) в одних и тех же фонетических условиях: *грѣшника — грѣшница — грѣшница*.

Показательно, что суф. *-ix-* не варьирует: русск. *жених — ткачиха*. Дело в том, что вариативность *-ix-/-is-* или *-ix-/-iš-* имела отношение к старым оппозициям ($x : s$), ($x : š$), восходящим к эпохе сатемизации и генезиса x . Вариативность *-ik-/-ic-* расширяла дистрибутивную валентность новой фонемы. Во втором случае в усилении дистрибутивной валентности нуждалась фонема x , а не результаты ее младших палатализаций.

Оппозиции ($s : x : š$) усиливались в случае конвергенции рефлексов младших палатализаций с любым из членов этих оппозиций. Отсюда диалектное различие рефлексов младших палатализаций, что для их фонологизации принципиально безразлично: $x > s/š$ (ст.-слав. *вьсь*, русск. *весь* — польск. *wszystek*, русск. *седой* — польск. *szady*). Напротив, новые оппозиции ($c : k : č$), ($c : k$), ($c : č$) в случае совпадения рефлексов старшей и младшей палатализации могли лишь ослабнуть вплоть до полного исчезновения. При этом ожидается неразличение рефлексов старшей и младших палатализаций (чоканье или цоканье) либо то или иное отсутствие следов младших палатализаций, действительно наблюдаемое на периферии славянской изоглоссной области (русск. диалектн. *кедить, кель* = русск. литер. *цедить, цепь* и т. п.).

Едва ли факт совпадения рефлексов старшей и младших палатализаций в данном случае можно объяснить хронологической близостью этих фонетических процессов. Как и в случае с фонетическим процессом аллофонного варьирования исконной фонемы $*s$ в сатемных и.-е. языках, между фонетическим процессом и процессом фонологизации его результатов может лежать значительный промежуток времени. Фонологизация может совершиться позже, параллельно и независимо уже в отдельных диалектах праславянской изоглоссной области. Конвергенция $š_1 \times š_2 \times \dots \times š_n \rightarrow š$, $č_1 \times c_1 \times c_2 \rightarrow č/c$ — проявление фонологизации, а значит, и прекращения фонетических процессов первой палатализации и йотации, второй и третьей палатализаций. Справедливость этой концепции подтверждается фактом конвергенции рефлексов йотации то со свистящими, то с шипящими коррелятами новой фонологизирующейся оппозиции. У западных славян (польск., чеш., луж.) рефлексы йотации зубных взрывных поддерживали свистящие корреляты: $t (< tj) \times c_{2,3} \rightarrow c$; $d (< dj) \times dz/z_{2,3} \rightarrow dz/z$. а фрикативных — шипящих: $š (< sj, xj) \times s_{2,3} \rightarrow š$. У восточных славян, наоборот, рефлексы t, d поддерживали шипящие корреляты (т. е. рефлексы старшей палатализации), хотя рефлексы младших палатализаций — свистящие: $t \times č_1 \rightarrow č$; $d \times ž \rightarrow ž$, но $s_{2,3} \times s_1 \rightarrow s$, ср. русск. *мачеха* — чеш. *macecha* и т. п.

За последнее время предпринята попытка пересмотра хронологизации третьей (бодуэновской) палатализации заднебных. Г. Лант [7] и др., применяя приемы так называемой генеративистской фонологии, пытались доказать, что третья палатализация старше регрессивных первой и второй, старше монофтонгизации дифтонгов, старше генезиса слав. x . Сами генеративисты декларируют, что они работают «на аллофонном уровне». Их формула «фонетического закона» весьма напоминает младограмматическую (см. выше):

$$A \rightarrow B / \frac{x-y}{z}$$

«Замени A на B в окружении $\frac{x-y}{z}$ »

Здесь уже есть, таким образом, параметр позиции, но еще нет параметра времени T и L (данной языковой системы). Это, безусловно, связано с концепцией универсальности дифференциальных признаков. Естественно, в концепции генеративистов (как в свое время и младограмматиков) нет места для разграничения фонетического, фонологического и морфонологического этапов звуковых изменений.

На основании данного принципа иерархизации звуковых изменений третью праславянскую палатализацию следует реабилитировать как

третью по времени. В процесс фонологизации порожденных младшими палатализациями аллофонов третья палатализация с ее трансгрессивно-прогрессивным характером могла внести наиболее существенный вклад, содействуя выведению прежних аллофонов *k/č/š/c* из состояния дополнительного распределения. Третья палатализация, как и другие праславянские процессы определенной поры, содействовала сближению смежных звуков, развитию группового сингармонизма. Но в отличие от всех предшествующих процессов, превращавших групповой сингармонизм в слоговой, пренебрегая границами морфем и слов, она, наоборот, пренебрегала границами слога, разрушала слоговой сингармонизм, усиливая относительную автономию морфемы, фонемы и слова: **putikā* > >°(*pŭ*) + '(*tī*) + (*kā*) > *pŭt* + /*ik*/ + *a* > *gŭt* + *ic* + *a* → *пѣтица*. Этим и объясняется ее морфонологическое содержание. Это — проявление конца «эпохи силлабем», следствие монофтонгизации дифтонгов, еще развивавшей тенденцию к открытому слогу, но уже нарушавшей тесную связь между гласным и предшествующим согласным. Это — преддверие процесса падения редуцированных, положившего конец эпохе открытого слога. Третью палатализацию следует считать одним из последних праславянских процессов. Она хронологически ближе к разнообразным процессам, связанным с тенденцией межслоговой зависимости гласного и последующего согласного: ср. чередование типа польск. *las* ~ *lesie*, болг. *мляко* — *мляен*, русск. умеренное *яканье*, *ёканье* и т. п.

7. Есть еще один тип, еще один этап хронологической иерархии звуковых изменений, социализация. В самом деле, языковые инновации могут быть приняты либо отвергнуты данным языковым коллективом. Он может сохранить либо утратить то или иное языковое явление, может расширить либо сузить сферу и область его функционирования. Языковой коллектив отбирает из двух или нескольких вариантов произношения того или иного слова наиболее подходящий, наиболее престижный [8]. Но прежде чем отбирать, необходимо иметь из чего выбирать, необходимо ощутить, что произносишь не совсем так, как произносят в другом языковом коллективе, в географическом или социальном «полудиалекте». Для того, чтобы заметить такое различие, а тем более воспроизвести новый вариант, необходимо иметь соответствующую фонему, пусть не в том слове, не в той позиции, но иметь. В крайнем случае, это может быть аллофоном позиции нейтрализации, своей нейтрализуемой оппозиции, своим аллофоном. Это означает, что социализироваться могут результаты фонологизации и морфонологизации, а не фонетические законы, действующие непреложно и подсознательно. Атлас немецких диалектов не подтвердил и не мог подтвердить «гипотезу о безысключительности звуковых законов. Его факты показали, что одинаковые звуки в разных словах не развиваются одинаково в пространстве» [9, с. 56]. Иначе и не могло быть. Лингвистическая география отражает не только первый этап звукового изменения, не фонетические законы синхронного функционирования, а весь сложный комплекс звуковых изменений, в том числе и не в последнюю очередь результат их социализации. Действительно, тот или иной допустимый вариант произношения конкретного слова распространяется по путям коммуникаций, варианты произношения соответствующих слов группируются вокруг церковных приходов, культурных учреждений и административных центров. Фонетические условия отвердения, депалатализации *r'* в позиции перед заднеязычными для всех слов современного русского языка одинаковы, но большинство произнесет *ze[rk]alo* при редком *ze[r'k]alo* (старшее поколение интеллигенции), часто можно слышать *ce[r'k]ovъ*, реже — *ce[r'k]ovная ограда* (среди верующих), но всегда — *ce[rk]lovник* (в языке атеиста). Вариативность отмечается в языке одного и того же лица, даже (реже) в одном и том же слове. Это связано с возможностью произношения [r'k] и [rk], ибо данная позиция является сильной, релевантной для фонологической оппозиции (*r'* : *r*), ср. *горка* и *горько*.

Естественно, специфика данного типа языковых изменений, обусловленного фактором их социализации, требует специфических приемов анализа. Здесь не фонетика, не фонология, не морфология, а социолингвисти-

ка должна предлагать свои решения. И если собственно социалингвистические факты не укладываются в концепцию непреложности фонетических законов, то это может означать не ложность этой концепции вообще, а лишь то, что она не может быть верной для всех типов звуковых изменений, оставаясь верной для строго определенного типа, в данном случае — фонетического. Геометрия Лобачевского не отвергает геометрию Эвклида, но лишь уточняет сферу действия последней.

Прежние достижения науки должны быть включены в новейшие научные концепции как частный и предельный случай. Это — общенаучный «принцип дополнительности» Нильса Бора. Фундаментальное положение нашей науки, постулат непреложности фонетических законов, вместе с огромным эмпирическим материалом, собранным усилиями многих поколений ученых, необходимо включить в целостную современную концепцию звуковых изменений как предельный случай, вполне достоверный для первого типа звуковых изменений — фонетического.

Как можно было заметить, разрешение парадокса непреложности фонетических законов способствует разрешению хронологического парадокса. Неоднозначность решения частных вопросов хронологизации того или иного явления или процесса неизбежна, если в центре внимания одних внешние, а других — внутренние связи данного явления с явлениями родственными, если не осознана хронологическая иерархия типов звуковых изменений (фонетический, фонологический, морфонологический и социалингвистический). Явление аллофонного варьирования может быть отделено многими столетиями от процесса фонологизации этих аллофонов, а тем более — от процесса морфонологизации новой фонемы k' , вследствие процесса фонологизации новой оппозиции ($k' : k$). Предпосылкой ее появления был фонетический закон $ky > k'u$, следы которого фиксируются в памятниках XIII в.

Реабилитация фонетических законов означает и реабилитацию основанных на них методических приемов и конкретных достижений относительной хронологии. Фундаментальная формула фонетических законов включает в себя параметр лингвистического времени T , изменение которого является производным от изменения параметра P , позиции. Иными словами, путем изменения позиционных условий новый фонетический закон отменяет действие старшего закона (см. выше, п. 3). Это позволяет однозначно устанавливать относительную хронологию целой цепочки фонетических процессов. Так, например, сопоставляя русск. *смех* — *смешно*, можно реконструировать хронологическую иерархию важнейших праславянских явлений. Шипящий мог возникнуть из x в позиции перед гласным переднего ряда: $\frac{x > \check{s}}{+V}$ по закону первой палатализации T_p . Сам заднебный x мог возникнуть из первичного $*s_1$ в позиции после i, u, r, k : $\frac{*s_1 > x}{i, u, r, k+} T_x$. Это означает, что e из \check{e}_2 дифтонгического происхождения $\frac{ai > \check{e}_2}{+C} T_d$. Однозначно и непротиворечиво реконструируется следующая цепочка форм: *смешн* — $\leftarrow sm\check{e}_2\check{s}bn$ — $\leftarrow smai\check{s}in$ — $\leftarrow *smaixin$ — $\leftarrow *smaisin$ -, где суф. *-in*- мог быть присоединен на одном из этапов развития. Таким образом, происхождение x датируется раньше первой палатализации ($T_x \leftarrow \leftarrow T_p$); последняя — раньше монофтонгизации дифтонгов ($T_p \leftarrow T_d$); падение редуцированных — до редукции кратких ($\check{i}, \check{u} > ь, ъ$), переход $\check{e} > e$ — после падения редуцированных.

Приемы установления хронологической иерархии процессов фонологизации и морфонологизации еще не разработаны. Здесь можно ожидать серьезных уточнений хронологизации и самой специфики многих звуковых изменений. Так, на основании отсутствия переходов в x вторичного славянского s_2 (из палатального $*\check{k}$) можно полагать, что процесс конвергенции $*s_1 \times s_2 (< \check{k}) \rightarrow s$ проходил после процесса $s_1 > x$. На основа-

нии того факта, что формант *x* мог быть получен фонетическим путем лишь в формах сигматического аориста, следует заключить, что процесс его морфонологизации в формах аориста начался раньше, чем в формах имперфекта и т. п.

У порога процессов социализации кончается сфера действия не только фонетических законов, но и внутренней реконструкции. Здесь начинается господство внешних факторов. Здесь приемы абсолютной хронологии могут дать большие результаты, чем это имело место до сих пор. Для установления хронологизации первых трех типов звуковых изменений более эффективны приемы относительной хронологии. Последняя может и должна вскрыть взаимосвязь между отдельными фонетическими явлениями, между фонетическими и фонологическими, а также морфонологическими процессами. Выполнить эту задачу можно лишь при условии опоры на прочный фундамент постулата непреложности фонетических законов и на весь эмпирический материал, добытый с его помощью нашими предшественниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Collinge N. E.* The laws of Indo-European. Amsterdam — Philadelphia, 1985.
2. *Lamprecht A.* Praslovanština a její chronologické členění.— In: Československé přednášky pro VIII Mezinárodní sjezd slavistů (Zagreb, 1978). Praha, 1978.
3. *Hermann E.* Über das Rekonstruieren.— KZ, 1907, Bd. 41, S. 11.
4. *Bidwell C. E.* The chronology of certain sound changes in Common Slavic as evidenced by loan from vulgar Latin.— Word, 1961, v. 17, № 2.
5. *Полывахов Е. Д.* Фонетические конвергенции.— ВЯ, 1957, № 3.
6. *Zuravlev V. K.* Die Dynamik baltoslavischer morphologischer Oppositionen.— IF, 1977, Bd. 82.
7. *Lunt H. G.* The progressive palatalization of Common Slavic. Skopje, 1981.
8. *Labov W.* The social motivation of a sound change.— Word, 1963, v. 19, № 3.
9. *Bach A.* Deutsche Mundartforschung. 2 Aufl. Heidelberg, 1950.